

Семеро смелых

После того как майор Евсюков устроил бойню в супермаркете на юге Москвы, а президент Дмитрий Медведев уволил начальника ГУВД Москвы, о состоянии дел в милиции задумались даже самые нелюбопытные.

По просьбе БГ семь сотрудников милиции (шестеро — на условиях анонимности) рассказали о том, что они думают о своей службе и как, на их взгляд, устроена жизнь работника внутренних дел.

Сергей В., капитан милиции, отдел вневедомственной охраны, стаж работы — 14 лет:

«На мой взгляд, у нас в милиции проблем очень много. Самая главная — с зарплатой. Потому что нереально жить на такие деньги честно, вот мы и крутимся как можем. Я сейчас работаю на «земле», а раньше служил в угрозыске и был поражен, когда впервые на «землю» попал. Ребята в моем подразделении заступают на смену с одной-единственной целью — заработать денег. Способов полно. Можно ограбить пьяного, можно остановить машину за ПДД, хотя, по идее, это только ГИБДД имеет право делать, можно подкинуть наркотики. А что вы хотите от людей? Они же получают за работу милиционера какие-то жалкие копейки. В среднем — десять тысяч без надбавки мэра. С надбавкой — двадцать две.

Я — сотрудник милиции. Я имею право делать все. Давайте я вам расскажу, как работают наши патрульные экипажи. Мы выезжаем в наряд на машине по трое человек. В нашем подчинении — вокзал. И каждый человек, который стоит и торгует дисками, каждый открытый ларек платит нам деньги. Ежедневно с каждой точки мы получаем от ста рублей до двух тысяч. А таких точек — до полусотни. У нас есть все телефоны торговцев. Ты подъехал — все, тебе принесли, и ты эту точку до следующего раза не трогаешь. Если на точке торгуют каждый день, мы ездим каждый день. Если реже — в зависимости от графика. Этой прибылью мы ни с кем не делимся. Она вся идет в экипаж. И деньги нам платят охотно, и руководству на нас никто не жалуется. А смысл им начальству жаловаться? Мы же с торговцами каждый день видимся.

Еще вот так деньги можно «снять» — едешь по улице, видишь, бьют кого-нибудь или обокрасть пытаются. Подъезжаешь, задерживаешь нарушителя и говоришь ему: «Или ты мне сейчас все свои деньги отдаешь, или я по рации про тебя в отделение передам». Он отдает. Ну и потерпевший, как правило, против такого расклада не возражает — ему лучше все на месте решить, чем у нас в отделении до ночи сидеть, показания давать.

У нас в отделе охраны служат нормальные ребята, у них свой дополнительный бизнес есть, и все в полном порядке. А есть парни, они из Подмоскovie ездят, в три утра встают, чтобы на работу добраться, и их, конечно, только бабки волнуют. Мне повезло — я москвич. Но таких у нас в отделе хорошо если десять процентов.

Я за работу милиционера не держусь. У меня свой бизнес есть. Какой — не скажу. Смотрите, из моей группы в сорок человек, с которыми мы вместе ВШМ окончили, всего два человека в органах работают. Остальные все ушли. Кому эта работа нужна? Мне и самому противно на службу приходить.

У нас большая проблема с кадрами. Мое начальство наверх рапортует, что в роту АПС, автопатрульной службы, требуются три человека. А у нас недобор в двадцать человек. У нас в сутки должны выезжать семь экипажей — из них две группы немедленного реагирования и пять патрульных экипажей. А реально ездит одна группа немедленного реагирования и пара экипажей. Но начальство не хочет отчетность портить и не признается руководству, что кадров не хватает.

С меня, с моего экипажа, требуют, чтобы за смену я доставлял в отделение трех-четырех человек за административные правонарушения. Где их брать — непонятно. Можно правонарушения в отделе купить. Приходишь в дежурную часть, даешь дежурному двести рублей, и он выписывает протокол, что якобы я кого-то с административным правонарушением доставил. А я, конечно, никого не доставил, но показатели с меня требуют.

Никаких человеческих отношений у нас с начальниками нет. Начальники — они от службы далеки, насущных проблем не понимают. А людей с «земли», которые с рядовых начинали и все ступеньки лестницы прошли,

таких у нас сразу убирают. Потому что они никогда не молчат, а говорят что думают.

Наш начальник — замполит, он только с личным составом расправляться умеет. Наказывать, то-се... А в работе он мало что понимает, даже в уголовных задержаниях. Он же не знает самого процесса. Он думает, ты бандита привез, рапорт написал и уехал. А на самом деле ты с этим бандитом можешь долго возиться, чтобы только уголовку на него «натянуть».

Я раньше очень любил свою работу. Совсем иначе к ней относился. Я каждый раз, когда что-то грандиозное делал, например, южных бандитов-борсеточников брал, чья группировка весь район терроризировала, чувствовал себя нужным людям. А сейчас это чувство у меня ушло. Потому что порядок никому не нужен — всех интересуют только деньги. Мы за отгул начальству тысячу рублей с носа платим. А у гаишников, например, не так. У меня много друзей в ГИБДД работают, так они рассказывают, что перед тем как на смену выходить, батальон в дежурку по две с половиной тысячи рублей с носа относит. Чтобы их коллеги, которые в дежурной части сидят и нарядами руководят, не ушли домой без денег. И так — каждый день.

Я никогда не брал денег на уличных преступлениях — только с торговых точек и с проституток, когда они по Садовому кольцу стояли. Это полтора года назад было. У моего экипажа в подчинении восемь б...дских точек было, и с каждого из сутенеров брали по восемьсот рублей в день. Каждый член экипажа после смены уносил домой до десяти тысяч рублей, потому что мы еще и с клиентов деньги снимали. Вот стоишь ты за углом с биноклем, смотришь: проститутка в чью-то машину садится. Ты едешь за их машиной, останавливаешь водителя, проверяешь документы. У проститутки, как правило, документов нет — значит, можно ее задержать. Водитель говорит: «Брат, я только что за нее шесть тысяч отдал!» А ты ему: «Ну плати половину от ее цены, а то в отделение поедем».

В 2000 году я в угрозыске работал. Наш тогдашний начальник вокруг себя такую команду сколотил, что мы ездили только по таким местам, где «тема» была, то есть денег срубить можно было. Еще долги выбивали: нам заимодавцы называли имена должников, мы у них долг выбивали, половину денег в отдел брали, половину — возвращали. Дела по долгам всегда в «пополаме» решают.

На самом деле я считаю, что народ должен знать, что происходит в милиции. И я уверен, что милиция не должна быть местом для решения денежных вопросов. Мы не звери, нас заставляют быть такими. Потому что другими мы этому государству не нужны».

Борис В., майор, управление милиции на Московском метрополитене, стаж работы — 14 лет:

«Очень грубо милиционеров, обитающих в метро, можно разделить на пэпээсников (патрульно-постовая служба), оперов (оперативники), уэсбэшников (управление собственной безопасности).

Многие пэпээсники кормятся за счет граждан. Прежде всего иногородних. Их Клондайк — привокзальные станции метро. Туда ставят только самых доверенных сотрудников — так называемых хороших: которые не будут жадничать и как следует поделятся с руководством. Чтобы попасть на толковую станцию, надо башлять процент командиру роты — он людей расставляет. В среднем заработок у ребят получается 3—5 тысяч в день — как повезет. На хлебных местах больше. А если какой-нибудь косяк запорол по службе или комроты «не порадовал», то тебя зашлют в такую дыру, где с работой полный глушняк. Но вообще многое зависит от везения и частоты «высоких» проверок («низовые» проверки бывают по несколько раз в день, но они, по сути, формальность — смотрят только, чтобы сотрудник не был пьян).

Главная радость тех пэпээсников, которые хотят срубить денег, — убывающие граждане: они спешат, да и деньги у них при себе есть. Если поддатенький или без документов — вообще счастье. Цепляют такого, проверяют. Гражданин, как правило, сам показывает билет: у меня, мол, поезд. Это и есть самая большая ошибка — если билет не показывать, можно дешевле откупиться. А так его отводят в отделение, проводят досмотр вещей, смотрят, сколько наличности у клиента. И начинают крутить: мы тебя задерживаем для установления личности (если без документов) или до полного вытрезвления (если выпивши). Это все по закону, но человеку-то деваться некуда — у него поезд уходит. Стандартная цена вопроса — половина имеющихся в кармане денег. Иногда забирают все, понимая, что человеку некогда жаловаться — у него же билет пропадет. Однако так поступают редко, поскольку, если отобрать слишком много, появляется вероятность, что человек плюнет на свой паровоз и пойдет жаловаться.

Если все то же самое, но человек никуда не спешит, то тут три часа времени обойдутся гражданину в не самую значительную сумму — не больше тысячи. Но вообще — как договоришься, можно и соткой отделаться, поскольку хорошему милиционеру важно, чтобы человек ушел от него довольным.

Шанс, что нарвешься на честного пэпээсника, который отпустит просто так, есть, конечно. Но он невелик. Пэпээсниками ведь работают в основном иногородние или в лучшем случае из области — контингент там не приведи господи. Проверяли мы пару раз общаги, где они живут, — это просто кошмар, хуже притонов. Шлюх каких-то убогих к себе водят (непонятно даже, где такое отребье откапывают-то), бухают все время, даже поножовщина случалась. Такие, кстати, не гнушаются даже у людей по карманам шарить — у тех, кто на ко- нечной в вагоне заснул. Его ведь, прежде чем разбудишь, можно и обчистить.

Трезвого человека с документами, который ничего не нарушил, задержать непросто. По закону вообще есть только один вариант — сказать, что он по приметам похож на фоторобот какого-то разыскиваемого преступника. В принципе, под эти приметы подходит пол-Москвы, но метод этот геморройный и редко используется, к тому же знают о нем только опытные сотрудники. Поэтому пэпээсники часто просто пользуются неграмотностью приезжих, которые своих прав не знают и при общении с сотрудниками милиции автоматически чувствуют себя жертвой, теряются.

Если милиционер видит, что перед ним грамотный человек, то наверняка отвяжется. Гражданину достаточно достать мобильник и набрать 02 со словами: «Я, имя, фамилия, меня на такой-то станции неправомерно задерживает ваш сотрудник». И все, у пэпээсника уже будут неприятности, поскольку звонки на 02 записываются и в обязательном порядке подлежат проверке. А уж вычислить, что это был за сотрудник (даже если он не представился) у нас в метро — раз плюнуть: все посты жестко распределены по точкам и по времени.

Кстати, территория нашей милиции ограничивается подземным пространством и пятачком, расположенным под козырьком входа в метро. Работать снаружи не принято — это считается беспределом и небезопасно. Там ведь чужая «земля» — залезешь туда, значит, совсем оборзел, тебе же хуже будет: тамошняя милиция тебя сдаст начальству, а оно уж по головке не погладит.

У оперов своя специфика: им надо раскрывать преступления. Что бы там ни трубили в прессе, на самом деле у нас по-прежнему сохраняется «палочная» система. Есть ли преступления, нет ли — будь добр раскрыть. Основной принцип — каждый месяц у тебя должно быть раскрыто не меньше, чем в предыдущий. Как правило, опер в месяц делает одну «палку». Если показатели не закрыты, руководитель подразделения получает на орехи и, соответственно, отгружает операм.

Понятно, что некоторые опера помимо «палок» еще и деньги делают. А какие в метро преступления? Львиная доля — карманные кражи. Однако настоящие карманники нехило отстегивают — их многие опера прекрасно знают в лицо, но трогать-то их нельзя. Примешь такого — он один звонок сделает, и тебе быстро объяснят, что негоже хороших людей задерживать. Если пойдешь на принцип, будут неприятности. Может даже оказаться, что ты со вчерашнего дня в органах не работаешь, так что карманника этого все равно придется отпустить.

Так что многие опера или ловят залетных (сдают незваных конкурентов, как правило, те же блатные карманники), или практикуют своеобразные подставы. Сидит, например, гражданин на станции и вдруг смотрит — рядом с ним мобильник или кошелек валяется. Он его поднимает, а тут соседка по скамейке ну верещать: «Держи вора!» Вроде как ее телефон. Тут же и свидетели образуются, и милиция — все в сборе, все в курсе. Вот и идет такой терпила под статью — для «палки». Или домой идет — не бесплатно, конечно. Правда, такие трюки стараются проделывать в основном с лохами: таджиками всякими, хануриками или люмпенами — их прессануть проще. Им иногда даже просто так при досмотре кошелька в карман засовывают. А если мобильник поднимет нормально одетый товарищ, то, как правило, предпочитают не связываться (адвоката нормального наймет, да и мало ли какие у него друзья). Соседка просто скажет: «Отдайте, это мой» — и дело с концом.

Если ты кадровик, то можешь брать деньги за ускоренный перевод на другое место работы (порядка 20 тысяч рублей) и за досрочное — «за особые заслуги» — присвоение звания (2—3 тысячи долларов). Если проверяющий, можешь трясти оперов и пэпээсников за выявленные нарушения — по 500—1 000 р. за штуку.

Ну а если ты уэсбэшник, можешь доить самих милиционеров уже на другом уровне: мы для них то же, что таджики для нас. У уэсбэшников ведь тоже свои «палки» есть — им нужно за квартал столько-то ментов посадить. А некоторым еще и для себя денег заработать. Тут и реальные нарушения в ход идут, и подставы бывают — кто знает, что у тебя в сейфе может найтись.

Что касается начальства, то некоторые крышуют организованные группы — торгашей-лоточников, попрошаек-колясочников и щипачей-карманников. Соответственно, рядовые сотрудники к этим группам не лезут. Я как-то приехал с ежедневной проверкой на одну станцию — там несанкционированная торговля. Я тамошнему

сотруднику говорю: «Придется на тебя нарушение оформить». А он мне отвечает, что ничего сделать не может, потому что этот развал с дисками лично такой-то начальник попросил не трогать.

Вообще, деньги наверху разворовываются феноменальными темпами. Была, допустим, такая история. Одно управление заказало партию ветоши (тряпочки для чистки оружия) на миллионы рублей. Ветошь — расходник, проходит в ведомости как «малоценные быстроизнашивающиеся предметы» и списывается просто на ура. Естественно, никто ее в глаза не видел.

Валентина Я., старший лейтенант, отделение дознания, стаж работы — 6 лет:

«В прошлом году к нам в ОВД пришел новый начальник, который сразу установил нам свою норму по показателям: мы должны были направлять в прокуратуру пятьдесят дел ежемесячно. Нагрузка была рассчитана на семнадцать человек, работавших в отделе дознания; но, естественно, точно спрогнозировать, какое количество дел мы направим в прокуратуру, в принципе невозможно. Начальник придумал следующую схему: чтобы добрать необходимое количество дел, он стал заставлять дознавателей направлять в прокуратуру учетно-регистрационные карточки якобы завершенных дел, которые на самом деле еще находились в производстве и работа по которым еще велась и была далеко не закончена. Тем не менее карточки направлялись в прокуратуру, а оттуда попадали в Информационный центр ГУВД, где должным образом фиксировались. Причем на них, уж не знаю каким образом, ставился необходимый для учета штамп прокурора и его подпись.

Дознаватели вынуждены принимать участие в этом деле, поскольку часто живут в сложных условиях: их, в основном приезжих, селят в дома, предназначенные под снос. Как гастарбайтеров. Наше начальство это может сделать по сговору с управой, за взятки или нет — не знаю... Но дознаватели, которые в любой момент могут вылететь со своей жилплощади, конечно, всего боятся. А я отказалась принимать участие в этом мошенничестве: мне не хочется идти под статью.

После этого мне прямым текстом сказали: «Мы тебя загнобим». И стали гнобить: начальство заставляло меня писать рапорты на увольнение, я отказывалась, на меня орали. В итоге на нервной почве у меня случился срыв, начальник сказал мне прямым текстом: «Пошла, бля, на х... отсюда!», и выгнал меня из моего кабинета, опечатав его. В кабинете остались мои вещи: книги, удостоверения и все мои деньги — триста тысяч рублей. Я свои сбережения на работе хранила — живу на съемной квартире, там как-то страшно деньги оставлять, а банкам я не доверяю — сейчас ведь кризис. Я написала рапорт на имя замминистра. Через три месяца на него отреагировали — прислали инспекцию по личному составу, мой кабинет вскрыли, составили акт, в котором было должным образом отображено, что из трехсот тысяч рублей бесследно пропали пятьдесят.

Но хотя я писала рапорты про мошенничество с карточками во все вышестоящие инстанции, ситуация не изменилась: служебное расследование не проводилось, все спустили на тормозах. У нас ведь как: пишеешь начальнику, он спускает распоряжение все ниже и ниже по инстанциям, в итоге оно доходит до конкретной прокуратуры, в которой у нашего руководства сидят друзья-приятели. Эта ситуация безвыходная, я точно знаю.

Мне нужно ходить на службу, где меня все ненавидят. Начальство говорит, что я должна работать, однако всем моим коллегам-дознавателям в устной форме запретили со мной общаться. На совещании, к которому я не была допущена, начальник милиции общественной безопасности назвал меня «живым трупом».

Мне приятель рассказывал, что некоторых начальников МОБ за их спинами называют «ходячими кошельками», потому что они регулярно объезжают палатки и лотки, собирая с них дань. Еще, конечно, некоторые берут с граждан деньги за то, чтобы закрыть дело. Это дорогое удовольствие: дело можно закрыть, удалив все следы из базы, минимум за десять тысяч долларов. Вот недавно прикрыли кражу со взломом за восемьсот тысяч рублей. Деньги вроде бы поделили между своими людьми в ОВД и в прокуратуре. До нас деньги не доходят — ни дознаватель, ни опер дело развалить не может.

Если про так называемые палки говорить, то можно улучшить показатели по отделу еще вот таким способом: допустим, ловят гражданина на краже, приводят в отделение и вешают на него еще пять висяков по другим кражам. Суд, допустим, осуждает гражданина только по одному эпизоду кражи, которую он совершил, а по левым висякам — оправдывает. Но это при расчете показателей, сами понимаете, не учитывается.

У нас работает много хороших и честных ребят, но им грозят судом, рублем и жильем, и они вынуждены заниматься разными махинациями. Да, бывают упыри, которые черт-те что себе позволяют. Так, мой приятель видел, как один пэпээсник шарил по карманам у пьяного, который на обочине валялся. Бывает, что и у трупа

по карманам шарят: чем неподвижнее объект, тем на самом деле проще.

Я нашла себе новую должность, но мне написали характеристику с формулировкой «неполное служебное соответствие». А после того как по моему заявлению из-за ситуации с кабинетом в ОВД была направлена инспекция по личному составу, мне открытым текстом сказали, что могут написать хорошую характеристику в обмен на то, что я напишу заявление о том, что пятьдесят тысяч рублей у меня на самом деле не пропали. Но я не буду этого делать, поскольку это мой единственный козырь в борьбе с ними.

Правда никому не нужна. В нашем ОВД нужны только сотрудники, на которых есть компромат, над которыми есть власть, которых можно унижить и запугать. А с меня что взять? Я взятку не беру, квартиру снимаю, компромата на меня нет, поскольку я под статью идти не готова. И да, я раньше на работу ходила как на праздник, сидела там сутками, а теперь иду на службу — как на эшафот.

Чем выше рядовой милиционер поднимается по служебной лестнице, тем сложнее ему оставаться честным: всегда найдутся старшие товарищи, которые наглядно объяснят, что лучше взять бабок и сделать, что нужно, чем спорить. А если он будет спорить, его легко притянут под статью — когда у человека по тридцать дел в месяц в производстве, суточные дежурства и бесконечное усиление, его легко на чем-нибудь подловить и впать «халатность» или «превышение служебных полномочий».

Михаил Пашкин, председатель Координационного совета профсоюза сотрудников милиции Москвы
стаж — 20 лет:

«Мне уже терять нечего, поэтому вы мою фамилию можете смело указывать. Я не боюсь.

Вы видели 650-й приказ — тот, что про оценку деятельности органов внутренних дел, от 5 августа 2005 года? В нем вся наша проблема. Там сказано, что количество раскрытых преступлений должно все время расти.

А как можно выполнить план? Можно купить уголовное дело у участкового — цена договорная. Может, хулиганку выявил, может, грабителей с поличным накрыл, а на этой же территории полк ППС находится, и у них не хватает показателей по уголовным делам. И вот они, видимо, договариваются с начальником ОВД, заносят ему денег, тот в свою очередь отстегивает участковому, и «палочку», то есть раскрытое дело, записывают на полк ППС. Сотрудник ГИБДД приходит в дежурную часть ОВД, оставляет двести долларов дежурному и говорит: «Если во время смены найдете на местности угнанную машину, то звоните мне, я подъеду, и машину как будто бы я нашел». А сейчас знаете, до чего дошли? В одном из батальонов ГИБДД установили инспекторам план по разбору — у них есть отделение по разбору ДТП, и вот начальник им заявляет: «Что-то маловато вы происшествий за смену разбираете! Надо больше, чтобы индекс выше был!» Это что же, инспектора должны количество ДТП увеличивать?

Если динамика раскрываемости признается неудовлетворительной, начальника отдела могут снять. А значит, он потеряет свою дань от коммерческих структур, от палаток, которые он крышует. А как уж он их крышует, это вам лучше у коммерсантов узнать. Как правило, деньги с мелких коммерсантов начинают требовать бойцы ППС и сержанты. Вы, естественно, побежите за защитой к начальнику ОВД. А тот, видимо, устанавливает свою цену, чтобы коммерсанты платили напрямую ему, а он, в свою очередь, отстегивает сержанту с участковым, чтоб те палаточника не трогали.

Один из наших адвокатов ведет дело одного гражданина. Его посадили по обвинению в мелком мошенничестве, потом он вышел, да только слишком рано — его жена квартиру приватизировать не успела. В общем, пошла эта гражданка жена в милицию, мужа своего предположительно оговорила, ну или заказала, тут дело темное. А муж после выхода из заключения таксистом подрабатывал. Остановил его однажды товарищ и говорит: «Подвези до точки и обратно, я тебе триста пятьдесят рублей дам». Тот обрадовался — ему недалеко было, деньги хорошие. В общем, подвозит бывший заключенный этого товарища к дому, тот ему дает двести рублей и говорит: «Слушай, у меня остальное дома, я мигом принесу». Только он в подъезд, из-за угла к машине подбегают три опера плюс начальник криминальной милиции отдела и находят у бедолаги пакетик с белым веществом и пять патронов от мелкашки. Он кричит: «Ребят, это не мое! Там и отпечатков нет!» А ему в ответ: «Ты скажи лучше, по наркотикам пойдешь или по патронам?» Ну он говорит: «Тогда уж лучше по патронам». Возбудили дело по факту хранения пяти патронов от мелкокалиберной винтовки. У него дома и самой винтовки-то нет... Наш адвокат сделал запрос в ЗИС ГУВД, и оказалось, что по Москве с начала года произошло десять подобных случаев... И вряд ли, знаете, люди носят с собой по пять патронов от мелкашки... А вот подсунуть можно все: народу надо ходить с зашитыми карманами, а женщинам, простите, без лифчика. А то и туда засунут. А ради чего все? Ради плана по раскрываемости. Потому что тут все просто: взял с поличным и раскрыл. А реально преступление раскрывать неохота — над ним потеть нужно.

Наш профсоюз сотрудников милиции города Москвы был создан в 1991 году для защиты рядовых милиционеров от вышестоящих руководителей. Нам сложно работать. Хотя бы потому, что 7 апреля убэповцы изъяли у нас семь компьютеров и все списки членов профсоюзов. Фактически провели обыск без всякого основания, и мы подали в Тверской суд заявление на ГУВД. Нам прислали документ об административном нарушении, что у нас нет кассового аппарата для сбора членских взносов. Это бред, у профсоюзов их и быть не должно. Но для МВД это не указ. С другим профсоюзом, объединенным профсоюзным комитетом ГУВД, мы не воюем, наоборот, оттуда народ к нам за помощью звонит... Принципиальное отличие между нами в том, что они с начальством судиться не будут, а мы — всегда пожалуйста. В принципе, при любой организации по закону можно открыть хоть сто профсоюзов, так что мы не альтернативщики и не аутсайдеры, просто в их профсоюзе в основном состоят те, кто по вольному найму в ГУВД служит, и начальники. А у нас только аттестованные сотрудники милиции — от рядового милиционера до подполковника.

Был случай, когда в ОМОНе избили профорга, командира взвода, капитана милиции. Его избили по приказу замкомандира батальона. Он позвонил нам, пошел в милицию, зафиксировал факт избиения, написал заявление, и нам удалось помочь ему перевестись участковым в один ОВД, откуда он впоследствии и ушел на заслуженную пенсию. Боевой офицер, служил в Чечне... А избили его за правду: он рассказал в УСБ, как его начальники деньги в банках получают. Сотрудники охранниками в банках подрабатывали, хотя права на это не имели. Так вот, рядовой боец получал, например, сто долларов, а начальник его — пять тысяч, за то что позволял своим сотрудникам так подрабатывать.

Два года назад на меня самого завели уголовное дело за клевету в отношении УБОПа. Я сказал, что некоторые сотрудники УБОПа крышуют проститутку, поскольку ко мне поступили такие жалобы от рядовых убэповцев. Они рассказывали, что не могли провести проверки борделей, потому что за их спиной их же начальники предупреждали хозяев о готовящихся рейдах.

Скоро опять судиться пойду: мне за клевету срок до трех лет грозит. Уже и УБОПа как такового нет... и программу «Времечко», где я про это крышевание рассказывал, закрыли. Просто я затронул тему о проститутках, о притонах, а это очень большая статья доходов. От пяти до десяти тысяч долларов с притона в месяц можно получить, а самих притонов — двести штук в Москве, вот сами и посчитайте».

Александр П., сотрудник кадрового аппарата одного из подразделений московской милиции, стаж — 17 лет:

«В принципе, многие сотрудники переживают, что сняли Пронина: он был грамотный управленец и умел стратегически мыслить. И только благодаря Пронину, который смог наладить конструктивные отношения с Лужковым, вся милиция получала так называемую мэрскую надбавку — одиннадцать тысяч рублей. Эта надбавка — больше средней зарплаты милиционера, которая десять тысяч рублей всего.

Но для того чтобы получить эту надбавку, в декабре пришлось сократить почти шесть тысяч человек личного состава. В том числе и нескольких психологов, в частности, и психологов из Южного округа. Не было штатного психолога и в отделении Царицыно — не существовало такой ставки, и все. Сейчас на сто тысяч человек личного состава работает всего двести психологов. Они не могут уследить за всем. За всеми. На каждого окружного психолога приходится по полторы тысячи человек, и объять необъятное невозможно. Особенно в нашем больном обществе. Психологи лишь отбирают кандидатов на высокие должности, проверяют новобранцев для Чечни, проводят плановое тестирование после травм, после ДТП, после применения оружия, после захвата преступников. Стрессогенных факторов в работе милиции очень много, и они накапливаются и усиливаются. Каждый матч по футболу, хоккею, любое, условно говоря, «Евровидение», выливаются в серьезные физические и эмоциональные нагрузки... и иногда приводят к срыву.

Я скажу вот что: наше государство насквозь больное, и не может быть так, что один орган у этого государства здоров. И если у чиновника может случиться психическое расстройство, то почему оно не может случиться у милиционера?! И благодаря новому закону о психиатрии, согласно которому ни один врач не имеет права сообщить о диагнозе конкретного сотрудника его коллегам и руководителю, у нас, как и везде, могут быть параноики и шизофреники.

Кто идет в милиционеры, вы знаете? Это жители дальних губерний. Многим наплевать на наш город. Только такие долбанутые сотрудники, как я, которые уже отработали в органах по сто лет, москвичи. А восемьдесят процентов — лимитчики. Им хочется закрепиться в Москве, попасть в общежитие, поскольку больше их никуда не возьмут. Им на москвичей — плевать. Вот многие и сшибают деньги у дедков на улице и у бабушек, которые стоят у метро. Торговать у метро — административное нарушение. И бабушку, которая торгует своими пирожками, можно разводить на деньги хоть трижды в день. С нее сняли денег, она перешла на другое

место, за ней следом идет милиционер и штрафует ее еще раз. И так — каждый день.

Руководство постоянно требует перевыполнения плана. И если в прошлом месяце опер раскрыл десять преступлений, то в этом месяце должен одиннадцать. А если его, одиннадцатого, нет? Тогда его нужно придумать. Причем с именами и фамилиями. Улучшения плана требуют даже от сотрудников вневедомственной охраны. Больше краж, больше!

Я точно знаю, что Евсюков проходил ВВК. Я точно знаю, что практически никто не видел его пьяным. У него день рождения был 20 апреля, и вплоть до 27-го он работал. В день своего «помешательства» был на рабочем месте и выходил на селекторную связь. Отработал весь праздник Красной горки, а затем только пошел отмечать день рождения в кафе, откуда, по свидетельству официанток, ушел почти трезвым. В его случае мы имеем дело с типичным психическим расстройством, и говорить о том, что оно было спровоцировано употреблением алкоголя, как минимум преждевременно, поскольку экспертиза еще не готова. Но предположить воздействие алкоголя мы, конечно, можем. Смотрите сами: Евсюков был модник и аккуратист, женат на певице группы «Стрелки», а в супермаркете «Остров» он расхристан и неопрятен, поверх рубашки — китель, факт для него невероятный, и двигается Евсюков, как зомби из кино. Это как минимум типичный - случай сумеречного или, как говорят, суженного сознания. Предвидеть его не могли — такое расстройство может возникнуть и прогрессировать в течение одного часа или даже нескольких минут. Да и некому особенно следить за милиционерами — психологов у нас, как я говорил, категорически мало, к тому же они имеют право смотреть начальство только перед назначением на новую должность. Или если это начальство придет к ним и скажет: «Братцы, я хочу убить шесть человек, проверьте меня, может, со мной что-то не так!»

На вышестоящей должности главное — быть гибким. Поскольку ты работаешь в системе, навязанной тебе сверху. К тому же это Москва. Со всеми надо наладить контакт.

ЦАО — отдельная страна. Здесь все — в руках правительства Москвы. Вы не представляете себе, сколько личного состава уходит на охрану правительства и его личных нужд! И я не представляю. И никто нам цифр не назовет — это большой секрет. Но Лужкову за надбавку и материальную помощь — оргтехнику там, оборудование — я благодарен.

С прокуратурой отношения очень сложные у нас: сколько раз бывало — наши опера ловят, находят, а в прокуратуре дело разваливают. И очевидных преступников, негодяев, на свободу отпускают.

Один был мужик, начальник по криминальной милиции в одном ОВД, он раскрыл бандитскую группировку, переловил всех главарей, сдал их в прокуратуру, а там бандитов отмазали и дело развалили. Те вышли на свободу и стали запугивать, конечно, начальника по КМ — он же главный враг им стал. Угрожали семье перестрелять и всякое такое. Тот в Управление собственной безопасности, в УСБ, за защитой, но и они помочь не могли: кто бы разрешил круглосуточную охрану поставить?! А по нашему закону — пока тебя почти не прибили, никто не имеет права тебя круглосуточно охранять. Так он взял и повесился. Поскольку жизнью семьи рисковать не хотел. А прокуратура дело по факту «Доведение до самоубийства» возбуждать отказалась. Хотя было понятно, где виновных искать, — сами же их отпустили.

Когда речь заходит о взятках в милиции, чаще всего говорят о ГИБДД. У гаишников действительно левые деньги можно срубить легко. Но я б никогда не стал там работать — судите сами: стоять по двенадцать часов в загазованном городе в пыли, в снегу, в грязи. Тебя и сбить могут ненароком, и застрелить. Гарантированно — больные легкие, испорченное зрение, ни к черту ноги. При таком раскладе любые левые доходы покажутся правыми».

Михаил Р., уволился из ГУВД Москвы в прошлом году, стаж — 20 лет:

«Я знаю, что некоторые участковые специально ошиваются около мест, где бывают гастарбайтеры. Если в городе — то рядом со стройками, продуктовыми магазинами, расположенными неподалеку. А если в райцентре — то рядом с дачами. Летом дачники нанимают гастарбайтеров, и таким участковым есть чем поживиться.

Единственная задача участкового, который хочет подзаработать, — поймать гастарбайтера и найти причину, чтобы содрать с него денег. Как правило, такой причиной бывает отсутствие регистрации или разрешения на работу. Тут, конечно, мало кто знает, что милиционеры не имеют права требовать разрешения на работу у физического лица. Доказать, что работающий у меня на даче человек — не мой друг или знакомый, а наемный работник, практически невозможно. То же самое с регистрацией — если ее нет, но личность человека установлена (то есть у него с собой документы), причин задерживать его нет. Отсутствие регистрации — это

административное правонарушение, за это в отделении человека не держат. И это проблема Миграционной службы, а не милиции. Именно МС штрафует нарушителя за отсутствие регистрации — сумма штрафа, как правило, составляет 2 тысячи рублей. Но проблема в правовой неграмотности людей. Этим и пользуются многие участковые и еще некоторые «уазики» (так называют ГНР, группы немедленного реагирования, которые должны контролировать криминогенные участки в городах и районах, но часто контролируют только гастарбайтеров). Такие «уазики» тоже выбирают места для патрулирования рядом со стройками, цепляют гастарбайтеров, сажают в машину, и дальше все идет по такому сценарию. Гастарбайтер научен горьким опытом — деньги и документы с собой не носит, — максимум, что у него можно найти, ксерокопию его паспорта. И вот он звонит хозяину или бригадиру и говорит, что с ним беда, менты взяли. Хозяин приезжает и договаривается. Как правило, такса — 1 тысяча рублей за то, чтобы отпустили работника.

У меня в деревне случай был: у соседа ремонт делали таджики, пошли продуктов купить в магазин, их там поймали «уазики», посадили в машину. Сосед подъехал — они ему говорят: за каждого 1 тысяча рублей. А сосед мой бывший сотрудник МВД, показал им удостоверение — прапор из патруля этих работяг быстро отпустил. Но в следующий раз опять такая же история — тот же прапор берет тех же работяг у магазина. Сосед опять едет, прапор ему говорит: «Зарплата у меня маленькая, а у тебя, видно, хорошая, раз таджиков держишь, значит, заплатишь за них можешь». Сосед ему в ответ: «Не вопрос, пойдём, будешь работать у меня на даче, тебе тоже буду платить». Ну прапор разозлился, забрал работяг в отделение. Естественно, сосед мой знал, что держать их в отделении не имеют права, это просто такой жест устрашения — поехал, нашел старшего, объяснил что к чему, тот дал команду отпустить работяг. А если бы на месте соседа моего оказался простой человек, он, конечно, отдал бы эти 2 тысячи, лишь бы не связываться. Вот на этом они и зарабатывают.

Слышал историю от товарища по службе — его знакомый сбил человека на пешеходном переходе. Ну его взяли, а после допроса следователь ему предлагает адвоката. Государственный адвокат по закону положен бесплатно, человек соглашается. А адвокат ему и говорит: «Хочешь легко отделаться, плати 10 тысяч долларов, следак тебе статью изменит». Как он ее изменит, я не знаю, но думаю, найдет смягчающие обстоятельства. Были случаи, люди, сбившие кого-то на дороге, условным отделялись. Это такая схема — если следователь дает тебе «своего» адвоката, значит, тот может предложить «решить вопрос между собой». У чужих следак денег брать побоится.

Очень часто в отделениях тянут, не заводят дело. Это обычно с делами, которые трудно раскрыть. Например, украли у человека документы с кошельком, он идет в милицию. В милиции такое заявление примут с большой неохотой, и только если очень настаивать будешь. Это же всяк, нераскрытое преступление, которое портит им всю картину в годовых отчетах. Если у тебя украли документы, проще сказать, что ты их потерял, тогда тебе сразу выдадут справку, что документы утеряны. А если скажешь: меня обокрали, дайте справку — ты эту справку будешь ждать очень долго».

Василий Т., старший лейтенант, инспектор ДПС, Московская область, стаж — 8 лет:

«Если гаишник решил заработать, то «для себя» ему интересны прежде всего пьянка, встреча и превышение больше, чем на 40 км/ч, а лучше, конечно, на 60. Это в любом случае выигрышно: договоримся на месте — хорошо, не договоримся — оформим для статистики. Но и мелочью мы тоже не брезгуем — она ведь тоже нужна для показателей.

Встречка у нас в области стоит от 5 тысяч и выше, пьянка — от 30. Причем от машины вообще ничего не зависит — бывает, что и человек из джипа не при деньгах, а иной раз и в «копейке» тридцать косарей для тебя приготовлены. Конкретная сумма определяется на глазок, ведь каждый инспектор — хороший психолог. Как учили нас старшие: «Клиент должен уехать от тебя довольным». Иначе может стукнуть. Вот исходя из этого и решаем.

После того как инспектор коснулся ручкой протокола, «решить» уже ничего нельзя. Протокол номерной, и выкинуть его не получится. (Испортил — пиши рапорт, почему испортил, зачем, и сам траченный бланк не забудь приложить, а иначе то же УСБ с тебя шкуру спустит.)

Никому не пожелаю попасть в УСБ на беседу — очень неприятная процедура. Тут и увольнение может быть, и срок — у них ведь на нас тоже план есть. Хотя, конечно, и они любят деньги, так что, говорят, нередко получается договориться. Стоит такая радость от 5 тысяч евро.

Если бы у меня зарплата нормальная была — тысяч сто, например, — я бы точно взятка не брал. Жил бы себе спокойно, с чистой совестью, никого не боялся. А так живешь, деньги с людей тянешь, а сам трясешься. Мне

вот это не надо, а что я могу сделать? У меня зарплата 20 тысяч! Как мне с женой и детьми на нее жить? Вот и беру с водил — тысяч до 150 в месяц имею.

Между прочим, все эти рассказы, что инспектора скидываются и половину отдают начальству, те половину своему начальству и т.п. — совершеннейший миф. Почти никогда так не бывает. Вот я когда несколько лет назад еще в Москве работал, там мы ежедневно должны были командиру 50 баксов привезти. Но он их себе оставлял, ни с кем не делился. А здесь, например, вообще, что заработал — все твое. Начальство к нам в карман не лезет. Чего им мелочиться, у них своих заработков полно.

Вот, например, замкомроты — оборотистый мужик, купил несколько фур, они на него работают — катаются, а ему как хозяину барыш нормальный идет. Командир роты у нас бестолковый, вообще ни во что не встроженный. Он кому техосмотром поможет, кому еще чем, ну и ворует, что плохо лежит. Прежде всего, конечно, бензин. В роте 15 машин. На каждую в месяц выделяется по 400 литров. Итого 6 000 литров. Он их нам не дает, и все тут. Скандалить нам не с руки — лишний конфликт, да и время терять не хочется. Проще на свои заправить, да и поехать зарабатывать. Товарищ же свою сотку имеет.

Ну а некоторое большое начальство, у тех посolidнее бизнес — они ведь и в администрацию вхожи, и в мэрию. Предприятиям «оптом» техосмотр делают, магазины держат, рынки, торговые центры, таксопарки, да и все остальное. Им наши копейки вообще неинтересны».

Автор: Артур Скальский © Большой город ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3704 05.06.2009, 14:46 📌 198

URL: <https://babr24.com/?ADE=78228> Bytes: 39492 / 39443 Версия для печати

👍 Пореккомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)